

Ирина ЕГОРОВА

АРХЕТИП ВОЖДЯ И ГЕРОЯ

Несомненно, правление Путина отмечено рядом достижений. Политологи отмечают, что сегодняшняя ситуация даже самыми непримиримыми критиками Кремля характеризуется совершенно иными формулировками, наиболее ходовая из которых «потерянное восьмилетие». Подчеркивают, что оценочные ножницы между 1999-м и 2007 годом налицо. А значит, в любом случае президентство Путина – это время развития, а не деградации, преодоления катастрофических 1990-х, не увязания в них, выход на некий качественно новый уровень исторического бытия, а не движения по спирали.

Вместе с тем тотальная героизация эпохи представляется неуместной.

Для любого политика важно не только начало. Время – жестокий судья, и оно может предъявить неожиданный счет за упущенные возможности. Вот почему так необходимо провести демаркацию между реальными событиями и архетипным образом героя. В отечественной истории это практически никогда не удавалось.

Швейцарский психолог К.Г.Юнг показал, что харизматический лидер всегда архетипен. Иначе говоря, нельзя оказаться властителем масс, не опираясь на жанровые особенности судьбы социального героя. Сравнивая разных политиков, обсуждая их роль в истории, мы отчетливо видим некую архетипную нить, которая ведет лидера. Порой складывается впечатление, что он оказался заложником предначертанного жребия. Нередко видны и причины непоправимых ошибок вождей, которые пытались освободиться от оков названного архетипа. Юнг прав: социальный герой в кружении времен зачастую оказывается хорошо знакомым нам персонажем.

Но почему сегодня эта тема стала столь актуальной? Отчего политтехнологи проявили к ней неожиданный и обостренный интерес?

Прежде всего, социальная философия сегодня после длительного периода, призванного распознать тайны общественной динамики в деятельности больших социальных общностей, психологии масс, групповом сознании, в закономерностях активности обезличенных структур, вновь возвращается к теме общественного лидера, супермена, героя и их значимости для общественно-исторического процесса. К примеру, все газеты с энтузиазмом сообщили о том, что Джордж Буш, уходя на каникулы, собрался прочитать книгу Эдуарда Радзинского об Александре II. Книга только печатается, Буш будет читать

текст, еще не известный читателю.

Такой интерес к персоне не самого популярного русского правителя кажется несколько неожиданным.

Писатель комментирует, и его пояснения построены на логике Юнга. Правление царя – это время первой русской перестройки, рождения русского капитализма, «новейших господ», как их тогда называли. Короче, вместе с

терминами «гласность», «оттепель», «интеллигенция», рожденными тогда, эпоха Александра II передала нам грабли, на которые всегда наступает Россия в период реформ. Последний великий царь был абсолютно непопулярен в конце своего правления. Либералы ненавидели его за остановку реформ, консерваторы – за то, что эти реформы были.

Вчитываемся в судьбу правителя и понимаем: лидер обеспечил мощный рывок России к европейской цивилизации, но оказался непризнанным, а после смерти и вообще оклеветанным...

Скептически настроенный читатель может сказать: ну и что? Участь правителя почти всегда печальна, а толпы неблагодарны. Вот и Пушкин писал: «Они ж меня, беснуясь, проклинали». Но именно в этой ординарности и проглядывает архетипность.

Нельзя оказаться харизматическим лидером, удачно прийти или неудачно уйти без архетипной фабулы. Историк или президенту кажется, будто он, знакомясь с биографией русского царя, может найти разгадку его судьбы в расстановке социальных сил, в специфичности выдвинутых исторических задач, наконец, в личности самого правителя. Но этого мало: ведь в истории царят архетипные сюжеты. Властитель садится на трон, но ему вручают роль, которая уже когда-то сыграна, в которой все предначертано, ему, словно мифическому Эдипу, предстоит только продвигаться к своему жребию.

Харизматическому лидеру приходится озвучивать свои цели, но при этом разыгрывать сюжеты, которые освящены далекой историей. Бессознательно он обращается к неисчерпаемой кладовой коллективного бессознательного и выбирает из него знакомый сценарный материал.

Описывая архетип социального героя, Ницше наделяет его обязательной драматургической оркестровкой. Властитель не просто является на историческую арену. У него есть предназначение, ему приходится пройти посвящение, создать некий идеальный образ и в конце концов уйти, но ведь не раствориться же.

Герой является, проходит через горнило неприятностей, совершает деяния и... удаляется, сохраняя непрерывность своего жизнеописания.

Канадский писатель и философ Дж. Сол отмечает, что среди деятелей последнего столетия, которые вышли на политическую арену, можно выделить технократов и героев. Огромная опасность для нашего общества заключается в том, что мы попадаем в зависимость от отдельных личностей, путая, таким образом, сам процесс с его участниками.

Победы разума сделали возвышение героев неизбежным. А сами политики стали рядиться в одежды героев, поскольку это стало единственно доступным способом обретения нужного статуса. Воздействие этих изменений на политиков было очень глубоким. Оно изменило эмоциональную атмосферу их взаимоотношений с обществом.

Образ героя – это архетип человека, который взваливает на себя нелегкое бремя размышлений о судьбах усталых и сбитых с толку граждан. Угроза или обещание изменений оказывает сильное воздействие на хрупкую

человеческую психику. Внезапные изменения всегда приводят к нестабильности. И вот в этом случае в массовом сознании и рождается архетип героя-избавителя.

Сегодня в общественном сознании отчетливо проступает тоска по герою. В истории культуры часто встречается мифологический сюжет – история героя. Речь идет о его рождении, богатырских подвигах, мудром правлении. Несмотря на статичность, формулы равновесия занимают важное и особое положение в системе героического мифа, особенно в процедурах моделирования политического лидерства.

Политический лидер активно заявляет о себе в период, когда равновесие уже утрачено. Основная масса аргументов политического лидера строится как обещание восстановить и достигнуть равновесия и стабильности.

Равновесие и стабильность – центральная формула социально-политического проекта, который предполагается политическим лидером.

Однако успешное обращение к разнообразной и типологически не вполне определенной аудитории требует от политического лидера вполне ясных причин для социально-политического проекта стабильности. Поэтому непосредственным предварением и обоснованием появления лидера и принятия им всей полноты власти является формула «нарушение равновесия».

В модели появляется время, как важное социально-политическое измерение. Время отсчитывается от апокрифических «счастливых» времен через текущее «несчастливое», «неправильное» время в сторону восстановления прежнего, «правильного» времени.

Формулы обращения к «счастливым» временам и активные призывы к «новым рубежам» чрезвычайно широко и многовариантно моделируют поведение политического лидера. Причем не только на начальных этапах его политической карьеры. Стремление «обновиться» и тем самым «снять» определенные издержки прошлых этапов политической карьеры довольно постоянно. Однако в структурном отношении апелляция к «правильному» времени принадлежит к инициальным формулам героического мифа.

Исходная модель неизменного и статичного существования безлична. Нарушение равновесия вызывает стремительную персонализацию. Нарушения и несчастья непременно исходят от «вредителя». Но обнаружение «вредителя» и избавление от несчастий должен осуществлять конкретный персонаж – герой.

Поиск героя, который должен избавить сообщество от кризисного нарушения равновесия, – часть процесса символической персонализации. Основные проблемы и кризисные ситуации «прикрепляются» к определенным персонажам.

Ищется центральный персонаж, на него возлагается ответственность за восстановление равновесия.

Таким образом, нарушение равновесия и кризис актуализируют вторую инициальную формулу героического мифа – поиск героя, который

персонализирует утраченные ценности статического мифа. Элементы исходной статичной модели становятся ценностно окрашенными, «отмеченными» и персонализированными.

Симметрично герою складывается фигура «вредителя», который должен персонифицировать все «зло» мира. Для института политического лидерства эта фигура необходима как противостояние намерениям и действиям лидера. Группа, персонифицирующая недостаточность, более удобна. Групповой противник более серьезен и более подходит для целей социально-политической интеграции. К тому же (и это главное) групповой противник открывает более широкие возможности для политического маневра. В отличие от единичного противника группа может постоянно исполнять роль «козла отпущения».

Формулы испытания и посвящения постоянно явным или скрытым образом организуют поведение политического лидера. Во-первых, ситуация политической конкуренции постоянно заставляет мыслить и разворачивать свою политическую карьеру как «истинную» в противовес «неистинной» позиции политического конкурента. Во-вторых, политический лидер включается формулами испытания и посвящения во взаимодействие с массовой аудиторией.

Политический лидер только в том случае может рассчитывать на идентификацию с проблемами, волнующими массовую аудиторию, если в массовом политическом сознании его считают «истинным» лидером.

Появление героя завершает инициальные формулы героического мифа. Отчужденный претендент входит в сообщество. Он принимает обязательства избавиться, преодолеть кризисную ситуацию. Он принимает обязательства вернуть сообщество к исходному, докризисному состоянию и принимает ценности исходной модели в качестве своих

личных.

Таким образом, происходит социализация прежде постороннего претендента, но социализация в качестве героя.

Социализация героя не происходит бесследно для сообщества. В аморфное состояние вносится структура. Структура определяется отношением к героическому персонажу. Вместе с социализацией героя в сообществе устанавливается социальная дистанция. Исчезает исходный эгалитаризм. Возникает иерархия. Иерархия определяется отношением к герою. Отношением к герою определяется система социально-политических позиций. Система позиций задается отношением к персонализированным задачам героя. Позиции порождают систему персонажей и функций. Персонажи должны взаимодействовать, функции – выполняться в процессе развития героического мифа. Исходная отчужденность претендента замещается в процессе развития инициальных формул активным взаимодействием с сообществом, находящимся в кризисной ситуации. Первое, что придает сообществу появление героя, – структурность и типологичность.

Структуризация модели мира, вызванная появлением героя, развертывается в измерении «свой-чужой». Сообщество разделено на своих и чужих. Исходно единообразное и стабильное состояние модели сообщества не рассматривается как постоянное. Поляризация сообщества по измерению «свой-чужой» конкретизируется и развивается через отношение к герою: друзья и враги героя.

Персонализация проблем, возникших в связи с кризисным состоянием группы или сообщества, разбивает всех участников героического мифа на своих и чужих. Друзья – те, кто помогает герою, враги – те, кто мешает решить проблемы, зависящие исключительно от героических деяний.

Социальное пространство мифа не только персонализируется, но и стремительно героизируется.

«Друзья и враги» – это формула героического мифа, продолжающая и детализирующая процесс персонализации основных проблем сообщества. Одновременно это переход к активным действиям героя. Он уже начинает поиски источников бед и неблагополучия.

Деление на друзей и врагов героя создает ось активного противостояния в «героическом» пространстве мифа.

Логика препятствий и преодолений, характерная для героического лидера, включает логику «преодоления кризиса». Но включение осуществляется исключительно в культурно-символических измерениях. Поэтому, когда мы говорим о кульминационных формулах ритуально-мифологической типологии, имеются в виду символическая драматизация положения и символическое преодоление кризисов. Кульминационные формулы – неизменная часть политических биографий.

Кульминационные формулы еще раз подчеркивают выделенность политического лидера из непосредственного окружения и особые возможности разрешения социально-политических коллизий.

Последовательность препятствий выстраивается в героическом мифе таким образом, чтобы в каждой ситуации обнаруживался героический характер лидера. Не просто преодоление препятствий, но героическое преодоление. Поэтому если поведение лидера моделируется формулами героического мифа, то ситуация непременно героизируется. Не просто решение проблемы, но «великое» решение проблемы. Не очередные, ординарные проблемы, но «наши» рубежи». В результате героических действий возникает непременно «великое общество».

Момент воцарения героя, момент принятия всей полноты верховной власти предваряется в схеме героического мифа появлением многочисленных претендентов, ложно присваивающих себе героические деяния.

В пределах позитивистской культурной антропологии существует множество версий, объясняющих появление ложных героев. Необходимость объяснений вызвана чрезвычайной устойчивостью мотива. Ускоренность мотива в логику героического мифа настолько значительна, что для появления ложных героев не всегда нужны достаточно обоснованные мотивы. Для фиксирования подобной безмотивности и культурной

антропологии возникла даже формула «самоустранения» героя, его временного отсутствия. В культурной антропологии исчезновение героя является минимально необходимым ходом мифопорождающего сознания, чтобы возникли минимальные, чисто формальные возможности для появления ложного героя.

Появление ложных героев – проявление угрозы деперсонализации всех успешных деяний, которые осуществлены на предыдущих этапах героического мифа. Возникает возможность для каждого из претендентов идентифицировать с собою деяния героического мифа. Героические сюжеты обнаруживают опасность принадлежать каждому, т.е. никому.

Таким образом, снижение кризисного напряжения после кульминационных формул рождает очевидную опасность деперсонализации.

Мифопорождающее сознание моделирует смежную деперсонализацию героического пространства угрозой воцарения «ложного» героя. Оно способно воспринимать в явном виде имперсональное. Поэтому процесс возвращения к безличному и статичному равновесию воспринимается как угроза воцарения «неистинного» героя, «незаконного»

претендента.

Процесс деперсонализации воспринимается как «неправильная», «ложная» персонализация. Вследствие этого возможно возникновение нескольких эпизодов с «самозванцами», последовательно оспаривающими право на лидерство.